

На правах рукописи

А. Г. ШИРОКОВА

**МНОГОКРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ
В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА · 1966

Настоящая работа посвящена исследованию форм маркированных многократных глаголов (типа *chodivat*) в современном чешском языке и в его истории. Изучение маркированной многократности является одним из аспектов исследования грамматического строя славянских языков, поскольку оно тесно переплетается с изучением таких важнейших грамматических категорий, как вид и время чешского (и вообще славянского) глагола. Несмотря на то, что число работ, посвященных категории вида и времени в славянских языках, огромно, вопрос о происхождении, развитии и историческом функционировании маркированных многократных глаголов до настоящего времени остается недостаточно разработанным, так как ни в одном славянском языке не было прослежено возникновение и развитие этой категории в полном объеме. Не до конца решен также вопрос об отношении маркированных многократных глаголов к категории глагольного вида, вопрос об основном значении этой категории и о преломлении этого значения в формах различных времен и наклонений. Почти совсем не ставились такие существенные для определения характера изучаемой категории вопросы, как установление полного круга значений, выражаемых многократными глаголами, вопрос об иерархии значений, о возможностях образования и употребления маркированных многократных глаголов в формах различных времен и наклонений, о сфере их стилистического функционирования и об удельном весе морфологического способа выражения многократности в системе других (лексико-синтаксических) средств выражения этого значения.

Указанный комплекс вопросов определил наш интерес к данной теме.

В соответствии с поставленными задачами работа содержит 5 глав. В первой главе формулируются задачи работы, характеризуются источники и материал, положенный в основу исследования, освещается комплекс теоретических вопросов, который получает свое обоснование в последующих главах работы, дается обзор литературы о многократных глаголах.

2-я глава посвящена анализу структурно-морфологических и семантических особенностей маркированных многократных глаголов. В этой главе устанавливаются словообразовательные типы много-

кратных глаголов, определяются возможности образования маркированных многократных глаголов от имперфективных глаголов различных семантических и структурно-морфологических групп, устанавливается возможность семантической соотносительности многократных глаголов с соответствующими имперфективами, определяются употребительность и продуктивность отдельных структурно-морфологических групп маркированных многократных глаголов и сфера их стилистического функционирования. В этой же главе рассматривается образование, употребление и стилистическая роль многократных глаголов второй степени, образованных при помощи удвоенного и даже утроенного суффикса *-va-* (*-váva-*, *-váváva-*): *chodívávat*, *chodívávávat*. В 3-й главе работы содержится анализ значения и употребления маркированных многократных глаголов в формах различных времен и наклонений. Большое значение здесь придается установлению основного (главного) значения многократных глаголов, возможного либо в позиции нулевой обусловленности, либо в условиях минимального контекста, и значений вторичных, контекстуально обусловленных. В этой же главе устанавливается связь значений, возникающих в формах различных времен, с основным значением маркированных многократных глаголов.

Четвертая глава работы посвящена рассмотрению лексико-синтаксических способов выражения кратного действия, которое осуществляется при помощи глаголов совершенного и несовершенного вида, употребляющихся в сопровождении лексико-синтаксических показателей кратности. На фоне лексико-синтаксических способов выражения многократности определяется значимость, удельный вес и стилистическая сущность морфологического способа выражения кратности при помощи форм маркированных многократных глаголов. Сравнение с русским, словацким и польским языками помогает вскрыть функциональную широту противопоставления глаголов совершенного и несовершенного вида (СВ — НСВ) в чешском языке.

Последняя, пятая, наиболее обширная глава работы, посвящена возникновению, становлению и закономерностям развития многократных глаголов в истории чешского языка. Анализ конкретного материала позволяет установить время появления маркированных многократных глаголов, семантические и структурно-морфологические группы многократных глаголов, которые составляли ядро признаков многократности в период ее становления, инвентарь грамматических форм, в которых было возможно употребление многократных глаголов. Одной из центральных проблем указанной главы является решение вопроса о происхождении многократных глаголов. В этой же главе устанавливается роль и связи многократных глаголов с видо-временной системой чешского глагола в XV—XVIII вв.

Для решения поставленных задач был использован большой материал, извлеченный нами из лексикографического архива словаря

современного чешского языка¹. Поскольку лексикографический архив содержит извлечения главным образом из литературы XIX века, нами были дополнительно произведены эксерпции из литературы XX века: художественной (из произведений К. Чапека, М. Пуймановой, М. Майеровой, В. Ржезача, Я. Отченашека, К. Валенты, Л. Ашкенази, Я. Гашека, Ю. Фучика, Л. Ванчуры, Б. Бржезовского, И. Кржижа, Вл. Пршибского и др.), общественно-политической (газеты, журналы, периодические издания: «Руде право», «Власта», «Нова доба»), научной (математической, лингвистической, химической). Большой материал был извлечен также из художественной литературы XIX века, из произведений Б. Немцовой, К. Светлой, Я. Неруды, Фр. Челаковского, К. Гавличка-Боровского, А. Ирасека, А. Мрштика и др. Этот материал дополняет данные, полученные в лексикографическом архиве. В работе был использован также материал, содержащийся в словарях (Словарь литературного чешского языка, Настольный словарь чешского языка²), в грамматиках чешских, словацких, польских и русских авторов и в специальных исследованиях, посвященных категории маркированной многократности в славянских языках. Под углом зрения изучаемой категории было обследовано также песенное народное творчество (сб. Фр. Сушила, К. Плички, К. Я. Эрбена, Б. Вацлавека и др.).

Диалектологический материал — эксерпции из всех печатных и рукописных диалектных словарей. Института чешского языка ЧСАН — в работе использовался мало, так как многократные глаголы в этих словарях приводятся вне контекста и в зависимости от установки составителей — непоследовательно.

Для написания исторической главы привлекались материалы архива древнечешского словаря (период до конца XV в. и 1-я половина XVI века)³. Для обследования изучаемой категории в XVI, XVII и XVIII вв. производились самостоятельно эксерпции из важнейших памятников чешской письменности, разнообразных в жанровом, тематическом и стилистическом отношении («Постилла» Я. Рокицаны, Кралицкая библия, литературы художественная, дидактическая, исторические хроники, частная корреспонденция,

¹ Архив содержит несколько миллионов карточек. Хранится в Ин-те чешского языка ЧСАН.

² Slovník spisovného jazyka českého, I, A — M, Praha, 1960; Příruční slovník jazyka českého, CSAV, Praha, 1953—1958.

³ Архив древнечешского словаря Института чешского языка Чехословацкой Академии Наук представляет собой эксерпции из всех важнейших (в том числе и рукописных) памятников древнечешской письменности до конца XV в. Архив содержит около 1 миллиона карточек.

Архив древнечешского словаря 1-й половины XVI века содержит эксерпции из «Чешского архива» (частная корреспонденция, переписка старинных дворянских родов, письма королей, правовые и судебные документы, извлечения из грамот, хозяйственные инструкции и пр.), а также из «Актов братской общины».

памятники делового письма) ⁴. Необходимый материал был извлечен из рукописного чешско-немецкого словаря В. Росы ⁵, датированного 2-й половиной XVII века и из чешских грамматик: Я. Богослава (1571), В. Росы (1672), Ф. Томсы (1782) и И. Добровского (1809). Для характеристики состояния изучаемой категории учитывались также данные чешско-немецкого словаря И. Юнгмана ⁶ и литература эпохи чешского Возрождения.

В работе нередко приводятся параллели из других славянских языков, в которых многократность получила морфологическое выражение (словацкого, польского, русского).

* *
*

Морфологический способ выражения многократности довольно широко представлен в западно-славянских языках, особенно в чешском и словацком. Формальными средствами выражения кратного, т. е. повторяющегося действия, в чешском языке являются суффиксы -a-, -va-, -váva-. С суффиксом -a- представлен непродуктивный тип образования многократных глаголов: *vídat*, *slýchat*, *čítat*, *jídat*, который часто вытесняется в языке новообразованиями с продуктивным суффиксом -va-: *vídávat*, *slýchávat*, *čitávat*, *jídávat*.

Универсальным средством образования глаголов с многократным значением является суффикс -va-, который стал прочной автоматизированной составной частью словообразовательной системы чешского глагола. Продуктивность -va- определяется не только способностью давать новообразования, но также широтой и богатством его структурных связей, прозрачным соотношением основы и суффикса, победой в конкуренции над прочими морфологическими средствами выражения многократности, в частности, над суффиксом -a-. Удвоенный суффикс -váva- не синонимичен суффиксу -va-. Он имеет иную смысловую и эмоциональную нагрузку, поэтому глаголы с суффиксом -váva- (*vávávava-*) в работе рассматриваются отдельно.

⁴ Jan Rokycana. *Postilla. Sbíрка pramenů českého hnutí náboženského ve 14—15 stol.* Vydal Fr. Šimek, v Praze, sv. I—1928, sv. II—1929; *Bible Kralická. Z původního vydání r. 1613; Historie utěšené a kratochvílné.* Uspořádal B. Václavěk, Praha 1951; *Kratochvílné rozpravy renesanční.* Uspořádal A. Grund, Praha, 1952; *Mikuláš Konač z Hodištkova. Pravidla lidského života,* ČSAV, Praha, 1961; *Základy starého místopisu pražského (1437—1620).* Sestavil dr. Josef Tejge, v Praze, 1910; B. Václavěk, *Český listář,* Praha 1949; Jan Amos Komenský. *Výbor z díla,* Unesco, Praha 1958. *Korespondence Zuzany Černínové z Harasova s jejím synem Humprechtem Janem Černínem z Hudenic, Melantrich,* v Praze, 1941; *Verše bolesti, posměchů a vzdorů. Z časové poezie lidové a pololidové XVII a XVIII stol.* Praha 1952; *Satira na čtyři stavy.* K vydání připravila Z. Tichá, Praha, 1958.

⁵ V. J. Rosa. *Thesaurus linguae Bohemicae quadripartibus.* (Хранится в Национальном музее чешской письменности в г. Праге).

⁶ J. Jungmann. *Slovník česko-německý.* Praha 1835—1839.

Инвентарь формально-морфологических средств выражения многократности довольно разнообразен и в словацком языке. Наиболее продуктивным там также является суффикс *-va-*, при помощи которого многократные глаголы могут быть образованы от большей части глаголов несовершенного вида: *chodit'-chodievat'*, *vrčiat'-vrčiavat'*.

К глаголам на *-ovat'*- многократные глаголы образуются при помощи суффикса *-úva-*: *pracovat'-pracúvat'*. От небольшой группы глаголов возможны многократные образования посредством суффиксов *-a-*, *-ja-*: *slýchat'*, *vídat'*, *víjat'*, *píjat'*.

В польском языке многократность может быть выражена суффиксами *-a-*, *-wa-*, *-uwa-*, присоединяемыми к бесприставочным глаголам несоев. вида: *mówić-mawiać*, *chodzić-chadzać*, *pić-pijać*, *być-bywać*, *czytać-czytywać*.

В современном русском языке сохранились лишь отдельные формы этих глаголов (сизивал, хаживал, не видывал, не слышивал и др.), образованные либо при помощи суффикса *-a-*: есть-едать, либо (чаще) при помощи суффикса *-ывы-*, *-ива-*: читать-читывать, писать-писывать, ходить-хаживать, носить-нашивать.

Употребительность собственно многократных образований в разных языках различна. При имеющихся структурно-морфологических, семантических и стилистических ограничениях, маркированные многократные глаголы довольно продуктивны и употребительны в чешском и словацком языках. В польском языке собственно многократные глаголы составляют ограниченную группу глаголов со значением конкретно-бытового действия. В русском языке многократные глаголы являются уже реликтовой категорией.

Грамматическими особенностями маркированных многократных глаголов является то, что они относятся к несовершенному виду, образуются только от глаголов несовершенного вида и не подвергаются перфективации. Последнее обстоятельство, однако не исключает возможности образования маркированных многократных глаголов от приставочных имперфективов типа *přicházet-přicházívát*. Существенно, что присоединение суффиксов многократности не изменяет видовой принадлежности производных глаголов; оно лишь модифицирует основное лексическое значение производящей основы, привнося дополнительный оттенок повторяемости действия.

Суффикс *-va-*, как морфологический показатель кратности, является омонимом суффикса *-va-*, с помощью которого от глаголов совершенного вида образуются глаголы несовершенного вида (*probodnout-probodávát*). В последнем случае суффикс *-va-* указывает лишь на несовершенный вид глагола, выполняя в языке чисто грамматическую функцию.

Развитие и функционирование многократных глаголов тесно связано с категорией глагольного вида, поэтому для нашей работы необычайно важным является решение вопроса об отношении маркированных многократных глаголов к грамматической катего-

рии вида и к грамматическим категориям вообще, а также решение вопроса о взаимодействии способов глагольного действия с категорией вида и времени. В зависимости от определения значения и объема глагольного вида маркированные многократные глаголы в аспектологической литературе либо рассматривались в рамках видового противопоставления, либо выносились за рамки чисто видовых отношений. При этом маркированная многократность считалась или одним из значений несовершенного вида (когда в понятие вида включаются различные количественные оттенки, связанные с протеканием глагольного действия,— ср. Я. Гебауэр, Фр. Травничек, С. Шббер и др.), или выделялась в самостоятельный, так называемый «многократный» вид или «подвид» (И. Лось, А. Востоков, А. А. Шахматов и др.), или же, наконец, совершенно отделялась от глагольного вида и рассматривалась в качестве способа глагольного действия (С. Агрелль, Э. Кошмидер, М. Мазон, А. В. Исаченко, Ю. С. Маслов и др.).

Наиболее спорным является вопрос об отношении маркированных многократных глаголов к грамматической категории вида в чешском языке. Свидетельством этого может служить последняя работа Фр. Копечного «Глагольный вид в чешском языке»⁷, автор которой неактуальную многократность включает в понятие глагольного вида, выделяя три видовые класса: *dělá//udělá//dělává*, составляющих два типа корреляций: *dělá: udělá*, *dělá: dělává*.

По вопросу о значении вида и объеме этой категории мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые считают, что глагольный вид является грамматическим противопоставлением глаголов совершенного и несовершенного вида (СВ : НСВ). Противопоставление глаголов СВ и НСВ представляет собой обобщенное представление о протекании глагольного действия в рамках одного и того же лексического значения (*přivést — přivádět*). Оно проявляется в способности любой глагольной формы и любого глагола выразить или не выразить добавочное грамматическое значение, квалифицирующее основное лексическое значение глагола. Виды противопоставлены друг другу в двучленном (бинарном) соотношении СВ : НСВ. Маркированным, «сильным» членом видовой оппозиции является совершенный вид, который представляет действие как целостное, комплексное, сомкнутое событие⁸, как единое, неделимое на фазы целое⁹. Несовершенный вид является слабым, немаркированным членом видовой оппозиции; грамматическое значение не-

⁷ Fr. Kopečný. *Slovesný vid v češtině*, Praha, 1962.

⁸ R. Ružička. *Der russische Verbalaspekt*, «Russischeunterricht» № 5, 1952; A. Dostál. *Studie o vidovém systému v staroslověňštině*, Praha, 1954, str. 15, 18; B. Havránek—A. Jedlička. *Česká mluvnice*, Praha, 1962, str. 193; А. В. Исаченко. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*, т. II Братислава, 1960, стр. 137;

⁹ Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Доклады на IV Международном съезде славистов. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 9.

совершенного вида характеризуется отсутствием специфического значения совершенного вида¹⁰.

Множественность относится нами к таким способам глагольного действия, которые, активно взаимодействуя с грамматической категорией вида, не составляют базу основного видового противопоставления. Маркированные множественные глаголы, морфологически и семантически соотносительные только с глаголами несовершенного вида, являются лишь надстройкой над одним из членов видового противопоставления, т. е. над глаголами несовершенного вида. Маркированная множественность — это явление, хотя и относящееся к области видов, но занимающее подчиненное положение по отношению к основному противопоставлению глаголов СВ : НСВ. Корреляции глаголов СВ : НСВ и НСВ : МН находятся на разных уровнях, лежат в разных плоскостях. Если грамматическое противопоставление глаголов СВ : НСВ представляет собой абстрагированное, обобщенное представление о протекании глагольного действия в рамках одного и того же лексического значения, то противопоставление НСВ : МН базируется на модификации значения исходного глагола. Таким образом, с одной стороны — качественное противопоставление, с другой — противопоставление, связанное с количеством глагольного действия, с характеристикой способа протекания этого действия.

Множественные глаголы в современном чешском языке не являются грамматической категорией и особым множественным видом. Они не создают регулярного противопоставления действия подчеркнуто множественному действию простому несовершенному. Доказательством этого служит прежде всего неспособность многих имперфективных глаголов давать множественные образования по причинам стилистического, структурно-морфологического, семантического, а отчасти и грамматического характера. Указанные ограничения делают противопоставление множественных глаголов соответствующим имперфективным глаголам нерегулярным и непоследовательным.

О нерегулярности и неустойчивости противопоставления глаголов НСВ : МН свидетельствует и тот факт, что все множественные глаголы свободно заменяются соответствующими имперфективами в контексте, который требует обнаружения значения множественности. Для обозначения кратного действия в чешском языке гораздо чаще употребляются глаголы НСВ, обычно в сопровождении специальных лексических показателей кратности. Употребление маркированных множественных глаголов является факультативным, необязательным. Следовательно, у множественных глаголов отсутствует один из основных и необходимых признаков «грамматичности» — обязательность употребления.

Признавая сущностью грамматических категорий противопоставление, нельзя не признать и того, что противопоставленность в

¹⁰ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка ..., стр. 132.

грамматической категории должна быть проведена через всю систему форм, ибо сущностью грамматической категории является не самый факт наличия этих форм, а закономерное и последовательное отношение между ними, полная и регулярная их противопоставленность, носящая парадигматический характер¹¹. Употребление многократных глаголов в разных временах и наклонениях не свидетельствует о закономерном и регулярном противопоставлении различных форм маркированных многократных глаголов. Единичные примеры употребления многократных глаголов в формах будущего времени, а также в формах сослагательного и повелительного наклонения, относящиеся главным образом к прошлому веку, не являются свидетельством существования полной парадигмы форм, но в то же время не дают возможности говорить и о парадигматической дефектности многократных глаголов. Недостаток форм указывает скорее на их факультативность и заменяемость, что противоречит сущности грамматической категории. Признание асимметрии морфологических противопоставлений и полной субституции сильного, маркированного члена противопоставления (т. е. многократных глаголов) слабым, немаркированным (т. е. глаголами несовершенного вида) не может служить оправданием этого, так как обычно морфологические противопоставления допускают замену одного члена другим в весьма ограниченной степени и в совершенно специальном контексте¹².

Грамматические категории не обнаруживают прямой связи с семантикой слов, не связаны отношением прямой зависимости с контекстом. Значение же многократных глаголов, как показывает материал, зависит от семантики производящей основы. Так, например, глаголы состояния, «бытия», а также реляционные глаголы при отсутствии показателей кратности вообще не выражают повторяемость процесса.

Связь значений многократных глаголов с семантикой исходных имперфективов прямо указывает на то, что мы имеем дело с такой абстракцией, которая сохраняет очевидную зависимость от лексики и которая обычно свойственна лексико-грамматическим категориям.

Некоторые ученые (Фр. Копечный¹³, И. Немец¹⁴) считают, что маркированные многократные глаголы входят в грамматическую категорию вида благодаря своей способности выражать неактуальное настоящее, прошедшее и будущее. В отличие от названных авторов мы считаем, что в чешском языке нет грамматического противопоставления актуальности — неактуальности, ибо, как справедливо замечает проф. И. Польдауф, это противопоставление мы

¹¹ Д. А. Штеллинг. О неоднородности грамматических категорий, ВЯ, 1959 г. № 1.

¹² M. Dokulil. K otázce morfoložických protikladů, «SaS», 1958, г. 19, ч. 2.

¹³ Fr. Kopečný, Slovesný vid..., str. 16—19.

¹⁴ I. Němec. K vyjadřování opakovanosti slovesného děje, «SaS», 1964, г. 25, ч. 3.

нигде не найдем в чистом виде ¹⁵. Вслед за проф. Польдауфом считаем, что неактуальность обозначаемых многократными глаголами процессов является чертой вторичной, сопровождающей основное значение неопределенной кратности.

Отрицая грамматический характер противопоставления глаголов НСВ : МН, мы не можем, однако, отрицать того, что многократные глаголы, выражая способ глагольного действия, находятся в сложном взаимодействии с грамматическими категориями и прежде всего с категорией вида и времени. Последний вопрос является одним из важнейших при изучении функционирования форм маркированных многократных глаголов в современном чешском языке и в его истории.

* *
* *

Вопреки общепринятому мнению о том, что возможности образования маркированных многократных глаголов в современном чешском языке ничем не ограничены и что продуктивность этих глаголов в современном языке необычайно велика, мы на основе анализа большого конкретного материала пришли к выводу о наличии разного рода ограничений, препятствующих образованию и употреблению маркированных многократных глаголов, и о значительном сокращении их употребительности в современном чешском языке по сравнению с предшествующими периодами.

Возможности образования и употребления маркированных многократных глаголов обусловлены целым рядом обстоятельств. Наиболее существенным является их стилистическая признаковость, связанная с определенной сферой их употребления, а нередко с эмоциональным и даже аффектированным характером обозначаемых ими действий. Сфера употребления маркированных многократных глаголов ограничена главным образом рамками художественной литературы. Они почти совсем не употребляются в научной и профессиональной литературе, редко употребляются в языке политической литературы и в языке публицистики, очень мало употребительны в официальном и деловом языке. Употребление маркированных многократных глаголов находится в прямой зависимости от жанровых, тематических и стилистических особенностей произведений. Наиболее употребительны многократные глаголы в бытовом и историческом романе, в бытовой повести и рассказах, в народных сказках и песнях, в эпистолярной литературе и мемуарах (ср. повести и романы Б. Немцовой, Я. Неруды, К. Светлой, А. Ирасека, А. Мрштика и др.).

Немаловажным фактором, определяющим степень употребительности многократных глаголов, является индивидуальная склонность писателя к употреблению этих глаголов, а также его связь с тем или иным диалектом чешского языка (На территории Моравии и

¹⁵ Iv. Poldauf, Souhrnný pohled na vid., «SaS», 1964, r. 25. č. 1.

моравско-словацких областей многократные образования распространены более всего). Некоторые писатели многократные глаголы игнорируют вообще. Употребление маркированных многократных глаголов во всех случаях связано с оттенком эмоциональной окрашенности и экспрессии, что делает их стилистически признаковыми и что, в свою очередь, ограничивает сферу их употребления.

К числу ограничений, препятствующих образованию многократных глаголов, следует отнести также ограничения семантического характера. Некоторые семантические группы глаголов совсем не имеют многократных образований, некоторые таким образованиям противятся. Совсем не имеет многократных образований обширная семантическая группа глаголов со значением переходного состояния (*chudnout, stárnout, hubenět*). При сохранении потенциальной возможности образования многократных глаголов этому противится большая группа глаголов со значением «быть кем-либо, выполнять какие-либо функции, заниматься чем-либо» (*profesovat, poslancovat, šoférovat*), а также группа глаголов со значением «вести себя так, как на это указывает производящая основа имперфективного глагола» (*parouškovat, politikařit*). Сопротивление семантики глаголов этой группы объясняется тем, что значение раздельно-кратной повторяемости плохо сочетается со значением, выражающим постоянный род занятий, профессию, выполняемые функции и т. п. Лишь наиболее употребительные глаголы с указанной семантикой дают нерегулярные многократные образования. Многократных образований не имеют также глаголы, выражающие различные модальные значения: *moci, věděti, smíti...* (исключение составляют глаголы *mívati, musívati*) и некоторые другие группы.

Наконец, к ограничителям семантического порядка следует отнести и то, что не все наличествующие в языковой практике многократные глаголы обнаруживают лексическое тождество со всеми значениями исходного имперфектива. Бóльшей частью многократные глаголы соотносятся с прямым, непереносным, наиболее употребительным значением имперфективного глагола.

Существенны также ограничения структурно-морфологического характера. К числу последних следует отнести наличие в основе имперфективных глаголов суффикса *-nou-* (*kanouti, vanouti*). Важно подчеркнуть, однако, что в тех случаях, когда многократным образованиям не препятствует семантика, они появляются иногда и у глаголов с суффиксом *-nou-* (Ср. *mrzávati* к *mrznouti*, *drhávati* к *drhnouti*, *plývati* к *plynouti*). О возможности преодоления структурных «неудобств» свидетельствует также факт образования имперфективных глаголов от приставочных перфективных с суффиксом *-nou-*: *sklouznouti — sklouzávati*.

К структурным «неудобствам», так или иначе ограничивающим производство многократных глаголов, следует отнести и многосложность, которая часто бывает связана с префиксацией, а также наличие в основе имперфективного глагола суффикса *-va-* (типа

vydělávat-vydělávávat, mávat-mávávat). Присоединение второго суффикса -va- не только делает многократные глаголы очень длинными и громоздкими, но и переводит их в разряд аффективных, что является причиной их частой замены соответствующими имперфективными образованиями¹⁶. Нередко употребляющиеся в литературе многократные образования отмечаются словарями как малоупотребительные, устаревшие или индивидуальные.

Основным типом соотношения в современном литературном чешском языке является соотношение бесприставочных имперфективов с многократными глаголами. Исключения составляют глаголы движения.

Ограничительным моментом при образовании многократных глаголов может быть малая степень употребительности имперфективного глагола и особая сфера его функционирования. Так многочисленные глаголы иностранного происхождения, а также глаголы, образованные от иностранных основ, в чешском языке почти не имеют многократных образований, так как многие из них являются принадлежностью специальной технической терминологии; сфера их употребления ограничена определенными пластами лексики (ср. *diagnozovat, frankovat, katalogizovat...*). Однако степень употребительности и сферу функционирования следует учитывать не только в отношении глаголов иностранного происхождения, но и в отношении собственно чешских глаголов. Чем более употребительным во всех функциональных ответвлениях чешского языка является тот или иной глагол несовершенного вида, тем больше возможностей образования и употребления имеет его многократный противочлен. Не случайно поэтому, что наибольшее количество многократных образований имеют глаголы с максимальной частотой (*bývat, mívat, chodívat, říkávat, vídávat, bydlívat, stávat...*)

Известную ограничительную роль при образовании многократных глаголов играют также и грамматические особенности некоторых глаголов, в частности их двувидовость, которая тормозит образование многократных глаголов, соотносительных в семантическом и структурном отношении только с глаголами несовершенного вида.

Анализ структурно-морфологических и семантических групп маркированных многократных глаголов приводит нас к убеждению, что в современном чешском языке многократные глаголы не создают регулярного противопоставления подчеркнуто многократного действия действию несовершенному. Круг употребительности многократных глаголов сужается, в современном языке функционируют определенные, наиболее употребительные группы этих глаголов. Во многих случаях сохраняется лишь потенциальная возможность их образования и употребления.

Основные выводы, касающиеся возможностей образования и употребления маркированных многократных глаголов в совре-

¹⁶ Fr. Kopečný. Dva příspěvky k vidu a času v češtině, «SaS», 1948/1949, г. 10.

менном чешском языке, подтверждаются материалом современного словацкого литературного языка.

Рассмотрение многократных образований с удвоенным и даже утроенным суффиксом -váva-, vávává- заслуживает особого внимания. В имеющейся литературе вопроса подчеркивались, как правило, эмоциональная окрашенность и экспрессивный характер этих глаголов. Мы в своей работе попытались установить, от каких семантических и морфологических групп многократных глаголов возможны многократные образования второй степени, т. е. образования с удвоенным суффиксом -váva- и какова сфера их функционирования. В картотеке PS (Příruční slovník jazyka českého) имеется всего 20 многократных глаголов 2-й степени, которые однако не исчерпывают всех функционирующих в языке многократных глаголов с удвоенным суффиксом -va-. Тем не менее в целом список многократных глаголов 2-й степени невелик; он содержит глаголы наиболее употребительные, наиболее часто встречающиеся в живом языке. Это глаголы конкретных, повседневных действий, глаголы движения, бытия, речи, чувственного восприятия и др.: *pívávat*, *vařívávat*, *chodívávat*, *nosívávat*, *pásávávat*, *mívávat*, *říkávávat*, *bývávávat*, *vozívávat*, *plakávávat*... и др.

Многократные глаголы 2-й степени не зафиксированы от глаголов малоупотребительных, многосложных и приставочных.

Сфера функционирования этих глаголов ограничивается главным образом народным творчеством. Большая часть примеров извлечена нами из чешских и моравских народных песен, в которых много экспрессии, эмоций, или же из произведений авторов, язык которых близок к народному, живому, эмоционально насыщенному разговорному языку.

Многократные глаголы 2-й степени встречаются, как правило, в формах прошедшего времени. Настоящее время этих глаголов употребляется редко, формы прочих времен и наклонений — еще реже. Сфера употребления многократных глаголов 2-й степени ограничена не только стилистически. Она зависит от употребительности определенных семантико-морфологических групп многократных глаголов 1-й степени. Следовательно, при образовании многократных глаголов 2-й степени в общем виде обнаруживаются те же закономерности, что и при образовании маркированных многократных глаголов первой степени: зависимость от частоты употребительности исходных глаголов, конкретности их семантики, структурно-морфологической приемлемости.

* *
*

При анализе значения и употребления маркированных многократных глаголов в формах различных времен и наклонений мы придаем большое значение методу установления основного или главного значения исследуемой категории. Необходимость уста-

новления основного значения определяется тем, что в лингвистической практике значения, появляющиеся в определенных лексико-синтаксических условиях употребления многократных глаголов, нередко выдавались за их основное или общее значение. Под основным значением рассматриваемой категории мы понимаем не статистически господствующее значение и не значение наиболее легко воспроизводимое, а такое, которое встречается либо в позиции нулевой обусловленности, либо в позиции минимального контекста, т. е. в условиях, в которых отсутствует зависимость от лексического и грамматического окружения. Для установления основного значения многократных глаголов необходимо устранение лексических и грамматических элементов, которые более других оказывают влияние на значение изучаемой категории. К таким элементам относятся лексические показатели кратности и временной локализации процесса, поскольку они несут на себе семантическую тяжесть повторяемости действия и его отнесенности к какому-либо периоду времени (*často, stále, obyčejně, zřídka, občas, někdy, dříve-jezdívai; prababička nosívala, za dávných, dávných, časů tam stával hrad* и т. д.).

Минимальный контекст исключает также употребление многократных глаголов в определенных синтаксических условиях: в плюсквамперфекте, который обозначает предшествование не только по отношению к моменту речи, но и по отношению к другому прошедшему действию; в придаточных сравнительных предложениях с союзом *jako*, где явно обнаруживается значение обычного, узуального действия (*vykřikla, jak křičívají děti*), в сложно-подчиненных предложениях с временным союзом *když*, указывающим на одновременную повторяемость действий главного и придаточного предложений, в предложениях с множественным субъектом или объектом, предполагающих повторяемость действия с оттенком его распределения, дистрибутивности, и в некоторых других случаях. Считаем также, что при установлении основного значения необходимо принимать во внимание общую ситуацию высказывания, широкий контекст, а также семантику исходных имперфективных глаголов, так как в условиях минимального контекста глаголы различных семантических групп не выражают одного общего значения.

Исследование значения маркированных многократных глаголов в условиях минимального контекста показало, что основным значением этой категории является не значение нерегулярного, временно повторяющегося действия и не значение частого, регулярно повторяющегося действия, а значение неопределенной повторяемости процесса. Ср. следующие предложения: "*Vzpomínám si, jak jsem jezdívála do Prahy*" (Svoboda) «Я вспоминаю, как я ездила в Прагу»; "*Co myslíte, babičko, ptávala se [panička] Řehačku, umřu už brzy?*" (Mařalík) «Как думаете, бабушка», — спрашивала [паничка] у Ржегачки, — у уже скоро умру?», "*Tančívála jsem doma, ale aby to nikdo neviděl*" (Otčenášek) «Я танцевала дома, но так,

чтобы никто не видел»; "Vypravovávala později synu svému, co se naplakala a div že si neusteskla" (Jirásek), «Позже она рассказывала своему сыну, как она наплакалась и что чуть было не умерла с горя»; "No, a tu vidíš Barunku, o níž jsem vám doma povídal (B. Němcová) «Ну а теперь, ты видишь Барунку, о которой я рассказывал вам дома».

Во всех приведенных и подобных предложениях, содержащих минимальный контекст, многократные глаголы *jezdívala*, *ptávala se*, *tančívávala*, *vypravovávala*, *povídal* сигнализируют повторяемость названных действий, однако не дают никакой информации о том, как часто совершалось это действие и через какие промежутки времени оно повторялось. Эти два признака в условиях минимального контекста остаются невыраженными, если они не вытекают из общей ситуации высказывания. При этом важно подчеркнуть, что неопределенность значения, выражаемого многократными глаголами, имеет 2 стороны: она касается как количественной неопределенности повторяющихся действий, так и длительности пауз, промежутков времени, через которые указанное действие повторялось или повторяется¹⁷. Значение неопределенно-кратной повторяемости имеет основная масса маркированных многократных глаголов. Однако некоторые семантические группы глаголов (глаголы состояния, бытия, отношения) в условиях минимального контекста выражают лишь неопределенную длительность процесса (*mívala*, *stávala*, *patřívávala...*)

Основное значение маркированных многократных глаголов, обнаруженное в условиях минимального контекста, может повторяться и в условиях более широкого контекста. Например, в случае временной локализации процесса, которая также остается неопределенной (*před lety bydlíval v Praze*, *dříve nosívali*, *někdy slýchával*).

Как правило, многократные глаголы всех семантических групп могут употребляться с самыми различными показателями кратности, выражая при этом такие оттенки повторяемости, которые им обеспечивает контекст, но кроме тех, которые обозначают, что действие совершалось определенное число раз. Присоединение наречий и разного рода обстоятельственных выражений способствует обнаружению тех смысловых оттенков, которые потенциально заложены в самой форме. Основное значение неопределенной повторяемости реализуется в большой гамме значений, оно уточняется, конкретизируется и дополняется различными средствами контекста.

Однако контекст не создает новые значения, он лишь способствует обнаружению того, что в общем виде заложено в самой форме. Поэтому лексико-синтаксические показатели кратности мы считаем не создателями нового значения, а конкретизаторами основного значения.

¹⁷ Ср. также: Iv. Poldauf. Atemporálnost jako gramatická kategorie českého slovesa? «SaS», 1949, r. 11.

Маркированные многократные глаголы чаще всего употребляются в формах прошедшего времени. Претеритальные формы многократных глаголов, являясь формами несовершенного вида, сохраняют общее грамматическое значение всех форм несовершенного вида. Это значит, что в формах прошедшего времени они указывают на действие, отнесенное к периоду времени, предшествовавшему моменту речи, и не связанное с временным планом настоящего. Основное значение маркированных многократных глаголов — значение неопределенной кратности (или длительности) процесса — в формах прошедшего времени в разнообразном конкретном окружении реализуется в целой гамме частных временных значений, подчиненных общему грамматическому значению многократных глаголов как глаголов несовершенного вида.

Одним из наиболее частых оттенков временного значения форм прошедшего времени многократных глаголов является значение давнопрошедшего времени. Однако мы не можем согласиться с точкой зрения тех авторов, которые считают значение давнопрошедшего времени особым временным значением маркированных многократных глаголов. Проверка значения форм прошедшего времени многократных глаголов показала, что значение отнесенности к давнему или отдаленному прошлому не является имманентным грамматическим значением самих многократных глаголов, а определяется, как правило, либо широким контекстом, либо наличием определенных лексических средств, указывающих на отдаленность и часто связанную с ней длительность действия. К таким лексическим средствам относятся прежде всего обстоятельства места и времени, семантика подлежащих и дополнений. Часто отнесенность к далекому прошлому обуславливается широким контекстом, описанием давно минувших времен, событий, лиц, живших в отдаленные времена. Ср.: "Z a dávných, dávných časů stával nad Orlicí řekou ... nádherný kostel" (A. Jirásek), "Čekany nosívali za starých časů mužové ženatí..." (A. Jirásek), "Dříve chodívali nazí... a bydlívali v jámách a jeskyních" (J. Neruda), "... tvůj pradědeček a tvůj dědeček vždycky tak psávali..." (B. Němcová). Несомненно, что в чешском языке за формами прошедшего времени многократных глаголов закрепился оттенок значения давнопрошедшего времени, что объясняется не только частым употреблением многократных глаголов в соответствующих типах контекста, но и семантикой самих многократных глаголов, их способностью выражать неопределенную кратность или длительность процесса, которая в сознании говорящих легко связывается со значением более отдаленного прошлого. Но факт возможной замены форм прошедшего времени многократных глаголов глаголами несовершенного вида в любых типах контекста без изменения грамматического значения претеритальных форм не

свидетельствует об особом временном значении многократных глаголов. Ср.: "Ačkoli se ted' mýval a česal, byl přece dost ošklivý" (В. Němcová) // ačkoli se ted' myl a česal, byl přece... Указанное обстоятельство подтверждается еще и тем, что при соотносительном употреблении многократных глаголов возникают такие же значения, которые характеризуют соотносительное употребление глаголов несовершенного вида. Это значит, что с точки зрения грамматической маркированные многократные глаголы употребляются не только параллельно и рядом с глаголами несовершенного вида, но и в одном общем грамматическом значении.

Близким к значению давнопрошедшего времени является выражаемое многократными глаголами значение предпрошедшего времени, которое большинством исследователей для форм многократных глаголов вообще не отмечается.

Значение предпрошедшего времени отличается от значения давнопрошедшего времени тем, что оно характеризуется двойной временной перспективой: предшествованием не только по отношению к моменту речи, но и по отношению к другому прошедшему действию. Ср.: "Temná postava se zastavila u dveří pokoje, kde bydlíval nešťastný Jan Pikkolomini (A. Jirásek). Значение давнопрошедшего времени обусловлено главным образом лексически, значение же предпрошедшего времени обусловлено синтаксически. О связи двух временных значений — давнопрошедшего и предпрошедшего — свидетельствует факт частого противопоставления форм претерита глаголов НСВ и многократных для разграничения общего временного плана прошлого на периоды предшествующий и последующий. Для выражения действий предшествующих (а следовательно и более отдаленных) нередко используется форма прошедшего времени многократных глаголов, для выражения действий последующих, менее отдаленных, как правило, перфект глагола НСВ. Однако указанное употребление не является обязательным, оно не грамматикализовано.

Нередко можно говорить о совмещении значения давнопрошедшего и предпрошедшего действия. Благодаря наличию разного рода лексических показателей отнесенности к давнему прошлому многократные глаголы, выражающие таким образом значение давнопрошедшего времени, попадают в такие синтаксические условия, когда они одновременно начинают обозначать и действие предпрошедшее (Domlouvala matce týmiž slovy, jaké od ní slýchávala...)

При употреблении маркированных многократных глаголов с различными лексико-синтаксическими показателями кратности нами учитывалось взаимодействие основного значения исследуемой категории и условий речи, в которых данная категория функционирует.

В отличие от русского языка чешский язык располагает особыми презентными формами многократных глаголов, которые эксплицитно выражают повторяемость в плане настоящего. Ос-

новное значение неопределенной кратности в формах настоящего времени выступает как значение неактуального настоящего.

Значение неактуального настоящего в зависимости от условий употребления реализуется у маркированных многократных глаголов в целой гамме частных, контекстуально-обусловленных значений. При отсутствии лексических показателей кратности на первый план выступает значение обычного, привычного, узуального действия, которое определяется содержанием высказывания в целом. Проявлению указанного значения способствует также употребление многократных глаголов в особых типах предложений или конструкций, в частности, при сравнениях (*přijď, jak přícházívá jago* (V. Nezval), в сочетаниях с *rád* (*rád chodívám pěšky*), в пословицах и поговорках, где человеческий опыт находит выражение в самом обобщенном виде (*kdy zajíce bolívají zuby?*)

При наличии лексических показателей кратности основное значение повторяемости выступает то как значение частого, регулярно совершающегося действия, то как значение нерегулярного, эпизодического действия, то как значение постоянного, обычного, излюбленного действия. Употребление многократных глаголов в формах настоящего времени является непоследовательным и нерегулярным.

Значение неактуального настоящего возникает благодаря тесному переплетению значения многократности с грамматической категорией времени. Тот факт, что многократные глаголы не могут выражать ни актуальное настоящее, ни будущее, а с необходимостью выражают только неактуальное настоящее, обеспечивает им особую позицию в противопоставлении прочим презентным формам. Однако неактуальное настоящее у маркированных многократных глаголов не является особым временным значением, как полагает Фр. Копечный, поскольку это же значение может быть выражено всеми рядами презентных форм, т. е. глаголами совершенного и несовершенного вида.

В литературе середины XIX века и в песенном народном творчестве найдено несколько примеров на употребление маркированных многократных глаголов в формах будущего времени, в формах повелительного и сослагательного наклонения. В современной чешской литературе указанные формы многократных глаголов отсутствуют. Большая часть найденных нами примеров извлечена из чешских и, главным образом моравских песен, меньшая — из поэтических произведений таких писателей, которые охотно писали по мотивам народных песен и сказаний (Фр. Челаковский, К. Гавличек-Боровский, К. Я. Эрбен, Б. Немцова, А. Ирасек). Употребление маркированных многократных глаголов в поэтических произведениях (в том числе и в народных песнях) нередко бывает обусловлено соображениями ритма и рифмы. Ср., напр. *Já se budu vdávat, nebudu se bávat*. Из неличных форм маркированных многократных глаголов встречается только инфинитив.

В песенном народном творчестве, отражающем более старые этапы в истории развития изучаемой категории, маркированные многократные глаголы встречаются в формах почти всех времен и наклонений. Это дает основание говорить о бóльшей парадигматичности форм маркированных глаголов в народном языке по сравнению с литературным.

* * *

*

Рассмотрение лексико-синтаксических способов выражения многократности в сравнении с морфологическим способом выражения тех же значений представляет большой интерес. При общности морфологического инвентаря, выражающего категорию вида в родственных славянских языках, вскрываются существенные различия и интересные особенности употребления глаголов различных видов в чешском языке в сравнении с другими славянскими языками.

Наибольший интерес представляет изучение синтаксиса вида. Для выражения повторяющегося действия в современном чешском языке могут быть использованы не только маркированные многократные глаголы, но также глаголы совершенного и несовершенного вида. Между этими 3-мя группами глаголов имеются различия структурно-морфологические, семантические, грамматические и стилистические. У глаголов НСВ и СВ, выражающих кратное действие, отсутствуют специальные морфологические показатели кратности. Кроме того, в отличие от маркированных многократных глаголов, значение повторяемости для тех и других глаголов не является обязательным: семантика глаголов СВ полностью исключает его, семантика глаголов НСВ признак кратности оставляет невыраженным. Глаголы СВ и НСВ получают значение кратности лишь в соответствующих условиях контекста. Тем не менее можно утверждать, что значение повторяющегося действия в чешском языке (а также в словацком) может быть выражено тремя рядами глаголов и соответственно тремя типами конструкций. Ср. чешск.: *Několikrát mi pomohl // několikrát mi pomáhal // několikrát mi pomáhával.*

Возможность употребления в чешском языке наряду с многократными глаголами глаголов СВ и НСВ в одних и тех же контекстах, при одной и той же языковой ситуации на первый взгляд позволяет говорить о синонимических способах выражения значения многократности глаголами различного видового плана. Однако, несмотря на параллелизм употребления и общность позиционной характеристики, конструкции с глаголами разных видов не являются синонимичными и семантически тождественными. Все три способа выражения значения повторяющегося действия по-разному обозначают течение этого действия, его характер и оттенки. В этом, собственно, и заключается причина параллельного употреб-

ления глаголов СВ и НСВ, наряду с маркированными многократными глаголами, при выражении значения многократности. При этом специфика значения глаголов СВ, с одной стороны, и маркированных многократных глаголов — с другой, наиболее явно обнаруживается при их противопоставлении соответствующим глаголам НСВ. Употребление глаголов СВ и НСВ а также МН для передачи повторяющегося действия в чешском языке представляет собой различный подход к выражению одного и того же значения, хотя в ряде случаев зависит и от более объективных факторов: от лексического значения глагола, от семантического «задания» высказывания, от видовой принадлежности глагола (его одновидовости) и некоторых других моментов.

В целом следует сказать, что существует целая шкала взаимоотношений между глаголами СВ и НСВ и МН, употребляющимися при обозначении повторяющегося действия. Эта шкала определяется факторами не только грамматическими, но и внеграмматическими.

Общее значение различных форм глаголов НСВ допускает целый ряд семантических оттенков, обусловленных их видовой и временной семантикой, значением контекста, индивидуальным значением глаголов¹⁸. Так, например, основное грамматическое значение форм прошедшего времени глаголов НСВ — обозначение процессов, отнесенных к времени, предшествующему моменту речи, и не связанных с временным планом настоящего — в условиях конкретного контекста реализуется в ряде частных временных значений. Одним из наиболее частых и употребительных является так называемое «имперфектное» значение, которое обнаруживается в тех случаях, когда формы прошедшего времени глаголов НСВ характеризуют прошедшее действие с точки зрения его протекания во времени. В рамки указанного временного оттенка укладывается значение многократной повторяемости прошедших действий.

Если повторяемость действия, выраженного глаголами НСВ не вытекает из широкого контекста и из общей ситуации высказывания, то для выражения значения многократности необходимо наличие лексических или синтаксических средств его обозначения. Только в этом случае «потенциальная повторяемость» форм несовершенного вида превращается в повторяемость фактическую. Широта семантики глаголов несовершенного вида позволяет им вступать в сочетание с различными лексическими и синтаксическими показателями кратности. При отсутствии последних глаголы несовершенного вида обозначают действия узуальные, постоянные, привычные как в формах прошедшего времени, так и в формах настоящего. Ср. "Na schodech a pavlačích se setkávali a přáli si dobrého jitra" (J. Neruda).

В зависимости от лексико-синтаксических показателей кратности глаголы несовершенного вида могут выражать различные от-

¹⁸ А. В. Исаченко. Грамматический строй..., стр. 427.

тенки повторяемости (частоту, регулярность, периодичность, эпизодичность), а также оттенки значений, близко связанные со значением повторяемости (значение постоянства, типичности, способности к действию и др.).

В целом же следует сказать, что употребление глаголов НСВ при выражении повторяющегося действия мало чем отличается от подобного же употребления глаголов несовершенного вида в русском языке и в других славянских языках.

Значительной бóльший интерес представляет рассмотрение глаголов совершенного вида, сфера функционирования которых в чешском языке (и в других западно-славянских языках), шире, чем в русском, а комплекс выражаемых значений — значительно богаче и разнообразнее.

Особенностью чешского, словацкого и польского языков является, в отличие от русского языка, широкое употребление глаголов совершенного вида для обозначения повторяющегося действия не только в формах настоящего времени (в отдельных случаях это возможно и в русском языке), но и формах других времен: в частности в прошедшем и в настоящем историческом. Ср. некоторые примеры "Mnohokrát mi pomohl" — «Он много раз помогал (букв. помог мне), "Josef pro niněkolikrát přišel (Březovský) «Иосиф приходил (пришел) за ней несколько раз; "Před válkou si doktor Fišar vyjel každoročně za hranice" (Březovský.) «До войны доктор Фишер ежегодно выезжал (выехал) за границу»; "Občas zaletne kvítek do sklenice" (V. Körner) «Иногда цветок залетает (букв. залетит) в стакан».

Ср. аналогичные примеры из словацкого языка: [Ženy] "Žili oddelene, zriedkakedy sme jich stretli na ceste z práce" (Lazarová). Мы их изредка встречали (встретили)...; /fotografii/ "Sl 'u bila, aleza mesiac ju vždy zabudla doma" (Lazarová) «...обещала, но через месяц всегда забывала (забыла) ее (фотографию) дома». Ср. польский: "Czasem wiatr zaszumił w galeziach.." (A. Mickiewicz) «Иногда ветер шумел (зашумит)...»; "Nieraz zapłakał na wspomnienie dawnych czasów" (Wiktor) «Не раз он плакал (букв. заплакал) вспоминая давние времена»;

Важно отметить, что употребление глаголов СВ вида для выражения повторяющегося действия в чешском, словацком и польском языках является не только вполне обычным и широко употребительным, но и стилистически нейтральным. В ряде случаев употребление глаголов СВ для выражения повторяющегося действия является обязательным или почти обязательным. Подобная ситуация может возникнуть: 1) при отсутствии соотносительного глагола НСВ вида; 2) в том случае, когда соответствующий глагол НСВ имеет ограниченную сферу употребления; 3) когда глагол СВ по своей семантике полностью или частично не соотносителен с глаголом НСВ. Так, в чешском языке имеется довольно большое количество глаголов *perfektiva tantum*, которые вообще не имеют параллельных им перфективных образований. Одновидо-

вость этих глаголов определяется, с одной стороны, их своеобразной семантикой, часто связанной с аффективным, эксклюзивным характером, с другой — некоторыми формальными особенностями¹⁹. Глаголы СВ часто не имеют параллельного имперфектива при переносном значении. (ср. „...někdy to na ni vleze“ (Přibský). Нередко при наличии видовой соотносительности у глаголов СВ и НСВ возникают семантические различия, которые отчетливо вскрываются при противопоставлении. Так, если в нижеприведенном предложении "V mládí si několikrát rozbil hlavu o zed', několikrát vytáhl z ohně kaštiny za falešného kamaráda" (M. Majerová) глагол СВ rozbil si (hlavu) «разбил себе (голову)» заменить глаголом НСВ вида rozbíjel si (hlavu) «разбивал себе (голову)», появится совершенно очевидный оттенок конативности. Глагол НСВ в данном предложении указывает на умышленное стремление разбить себе голову, в то время как глагол СВ вида, указывая на целостность и результативность ряда повторяющихся действий, подчеркивает случайность этих действий.

При общности выражаемого глаголами СВ и НСВ числа повторимостей, которое обеспечивается исключительно наличием разного рода лексико-синтаксических показателей кратности, лексическим значением дополнений или же определяется широким контекстом, нельзя не принимать во внимание те существенные различия в характеристике повторяющегося действия, которые обусловлены видовыми особенностями глаголов обеих групп. Использование глаголов СВ и НСВ при передаче повторяющегося действия зависит от ряда обстоятельств, среди которых в первую очередь следует выделить факт использования основного грамматического свойства глаголов СВ и НСВ для передачи целостных, комплексных, повторяющихся действий, с одной стороны, и повторяющихся, но не выражающих момента неделимой целостности, — с другой. Так, в предложении с глаголом совершенного вида Mnohokrát mi rotohl внимание говорящего фиксируется не на течении действия, а на его комплексности, целостности и связанной с ними результативности и законченности ряда сменяющих друг друга действий.

При наличии союзов, союзных слов и соответствующих обстоятельств, указывающих на повторяемость действия (kdykoli, každé, vždycky) глаголы СВ в предложениях типа po každé mi vzal povínu z guky выражают завершенность повторяющегося действия самой формой vzal, т. е. глаголы СВ в отношении признака завершенности повторяющегося действия являются маркированными. Глаголы НСВ в отношении выражения признака завершенности повторяющихся действий являются немаркированными, поскольку они этот признак выражают лишь иногда, только в определенных типах контекста²⁰. В предложениях, где законченность повторяющихся действий вытекает из широкого контекста или из лексиче-

¹⁹ Fr. Kopečný. Slovesný vid v češtině, str. 111—112.

²⁰ J. Němec. K vyjadřování opakovanosti..., str. 1.

ского значения обстоятельств, видовое различие между глаголом-сказуемым СВ и НСВ нейтрализуется.

Итак, глаголы СВ при выражении повторяющихся действий обозначают, как правило, ряд целостных, комплексных действий со значением результата; глаголы НСВ в подобных же случаях указанных значений не выражают. Более того, глаголы НСВ, употребляющиеся при выражении кратного действия, используются для выделения, актуализации обозначаемых ими действий.

Так, в предложении "Mnohokrát mi pomohl // mnohokrát mi pomáhal" глагол НСВ вида pomáhal изменяют силу акцента выражаемого действия, актуализируют действие как процесс, делают его более наглядным.

Однако различия параллельных конструкций базируются не только на различии основного грамматического значения глаголов СВ и НСВ, но и на различиях функциональных. Поскольку видовые различия являются прежде всего функциональными, постольку исходным для анализа функций видов должно быть их употребление, так как именно в употреблении и в противопоставлении различных функций глаголов СВ глаголам НСВ вскрывается функциональная специфика тех и других.

При синтаксическом противопоставлении глаголы СВ и НСВ могут передавать ряд специфических характеристик действия, которые являются следствием различного функционального использования их основного грамматического значения в разных контекстах, результатом разнообразных комбинаций противопоставления. Синтаксическое противопоставление видов используется для достижения таких речевых эффектов, которые невозможны при выражении действий глаголами одного видового плана.

Смешанное употребление глаголов СВ и НСВ создает возможности для более живого и рельефного изображения событий, для различной характеристики действий с точки зрения их протекания, для создания фона, контраста, для подчеркивания кратковременности, быстрой сменяемости и завершенности отдельных актов повторяющегося действия, для выражения различных оттенков экспрессии.

Нередко глаголы СВ употребляются для выражения предшествующего повторяющегося действия, каждый акт которого ярче выступает на фоне последующего действия, выражающего состояние или длительное действие, действие как развивающийся процесс, который может быть причинно связан с предшествующими действиями или вытекать из них: "Často mi všechno shořelo na popel, a tu se mi všichni smáli" (M. Majerová) «Часто у него все сгорало (сгорело) до тла, и тогда над ним все смеялись».

Иногда противопоставление глаголов СВ и НСВ служит для выражения противопоставления действия и состояния. Ср. "V letě, když bývalo velmi horko, s v l e k l a babička děti do košilky a vedla je do stuhu koupat" (B. Němcová) «Летом, когда было жарко, бабушка раздевала (раздела) детей...»

Очень часто СВ вид служит для обозначения непродолжительных повторяющихся действий, которые прерывают неопределенную длительность других действий, выраженных глаголами НСВ "Občas pohlédla k pootevřeným dveřím, ale většinou hleděla vzhůru, na strop" (Příbický) «...иногда она смотрела (посмотрела) на полуоткрытые двери, но большей частью смотрела вверх, на потолок». Глаголы СВ ускоряют течение описываемых событий, что открывает широкие возможности для более динамического способа выражения, создает впечатление быстроты наступления повторяющихся действий и их быстрой сменяемости: Ср.: "Také Angličané mají v sobě sřítky. Jsou nesmírně vážní, solidní a ctihodní, n a j e d n o u v n i c h t o n ě j a k z a h a r a š í, ř e k n o u n ě c o p i t v o r n ě h o, v y l e t í z n i c h d r o b e t s k ř í t k o v ě h o h u m o r u a u ž z a s e v y p a d a j í j a k o s t a r á k o ž e n á k ř e s l a" (K. Čapek).

Нередко кратное действие, прерывающее течение предшествующего действия или ряда сменяющих друг друга действий, бывает не только очень быстрым, но и внезапным, неожиданным. В таких случаях употребление глагола СВ вполне закономерно и оправдано той экспрессией, которую вкладывает автор в описание неожиданного, внезапно наступившего действия.

Глаголы СВ употребляются также для обозначения повторяющегося, обычного действия, совершающегося в ряду других обычных, характерных действий. Ср. "Jíst chodil do kantiny a pradlo vždy našel varhané i podlaha bývala v sobotu vydrhnutá (M. Majerová). Но и в этом случае имеет место противопоставление: одни обычные действия выделяются на фоне других.

Довольно часто глаголы СВ, употребляющиеся со значением кратности, противопоставлены в предложении не только глаголам НСВ, но и маркированным многократным глаголам. В подобных случаях противопоставление глаголов СВ : НСВ и МН создает еще большие возможности для характеристики действий, различных с точки зрения их протекания. Ср.: "Brali u nich v hájovně mléko, chodívala paní, ale i on zaskočil s bandaskou (Valenta). В этом предложении постоянное действие brali (mléko) передано глаголом несовершенного вида, неоднократно повторяющееся с оттенком обычности — многократным глаголом chodívala, эпизодически совершающееся действие — глаголом СВ zaskočil, который можно при переводе сопроводить наречием «иногда». В целом же можно сказать, что противопоставление глаголов СВ многократным, как и противопоставление глаголов СВ — НСВ, может передавать противопоставление действий обычных, постоянных, характерных действиям эпизодическим, случайным, кратковременным. Разумеется, нельзя сказать, что указанный способ передачи повторяющихся действий имеет грамматикализованный характер и является обязательным, но специфическое соотношение во времени в каждом конкретном случае определяет выбор глаголов того или иного вида, что отражает не только их индивидуальное использование, но и объективный характер их значения. Однако важно помнить, что

между конструкциями с глаголами разных видов нет полной семантической и стилистической соотнесенности. Параллельное употребление конструкций и предложений с глаголами СВ и НСВ и МН не всегда свидетельствует о их синонимическом значении. Предложения с глаголами СВ вида при обозначении повторяющегося действия являются стилистически нейтральным, обычным способом выражения значения повторяемости; предложения с глаголами НСВ действие актуализируют. Многократные глаголы в подобных же конструкциях выделяют действие в стилистическом плане, делают его стилистически подчеркнутым. Нередко употребление многократного глагола представляется нарочитым, искусственным, чрезмерно подчеркнутым, обнаруживает поиски стилистически значимого способа выражения повторяющегося действия.

В заключение можно сказать, что лексико-синтаксические способы выражения многократного действия при помощи глаголов совершенного и несовершенного вида получают все большее распространение не только в языках, где морфологическая категория многократности является угасающей (напр. русский, польский), но и в тех языках, где она является продуктивной и употребительной (чешский, словацкий).

* * *

*

История становления и функционирования маркированных многократных глаголов в славянских языках может быть изучена с полной достоверностью, так как возникновение этих глаголов относится к историческому периоду развития славянских языков — оно связано с разрушением старой временной системы, с исчезновением простых прошедших времен. Так как в истории чешского языка эти вопросы не были достаточно изучены²¹, мы поставили перед собой задачу на большом языковом материале установить: 1) время появления маркированных многократных глаголов; 2) семантические группы глаголов, которые составляли ядро маркированной многократности на протяжении всего исторического периода ее развития; 3) структурно-морфологические типы многократных глаголов в период их становления и дальнейшего развития; 4) речевые условия употребления, в которых значение многократности возникало и развивалось; 5) инвентарь грамматических форм, в которых маркированные многократные глаголы употреблялись; 6) связь многократных глаголов с видовременной системой чешского глагола XIV—XVIII вв.; 7) круг выражаемых многократ-

²¹ Истории многократных глаголов в чешском языке непосредственно касаются несколько работ: *Studie o českém vidu slovesném*. (Praha, 1923) акад. Травничка и статья И. Зубатого *K frekventativním odvozeninám s příponou — vati od sloves IV třídy*, Sb. «*Studie a články*», 11, Praha 1954.

«Вопросы исторического взаимоотношения категории вида и итеративности освещаются в содержательных статьях И. Немца.

ными глаголами значений; 8) специфику значения многократных форм в противопоставлении их соответствующим имперфективам; 9) кульминационный период в развитии и употреблении форм маркированных многократных глаголов.

Для удобства анализа выделяем три периода (три синхронных среза) в истории чешского языка, в рамках которых описывается состояние изучаемой категории.

Первый период охватывает XIV—XV вв., второй — с конца XV в. до середины XVII в., третий — от середины XVII в. до начала XIX в. (т. е. период так называемого «упадка» и Возрождения). Каждый из намеченных периодов отражает основные этапы в развитии форм маркированных многократных глаголов.

1-й период (до конца XV в.).

В обследованном архиве древнечешского словаря до конца XV в., содержащем извлечения из всей важнейшей древнечешской литературы, нами было обнаружено немногим более 50-ти многократных глаголов в памятниках конца (реже середины) XV века. Отдельные примеры относятся к XIV веку. Степень употребительности многократных глаголов неодинакова. Наиболее употребительные глаголы (бóльшей частью старые итеративы типа *slýchati*, *stávati*, *mývati*) представлены десятками примеров. Однако основная масса глаголов представлена единичными примерами (1—5).

Основными семантическими группами глаголов, которые составляли ядро признаковой многократности в период до конца XV в., явились следующие: 1) глаголы состояния (12 глаголов представлены 300 примерами); 2) глаголы различных действий (19 глаголов обнаружены в 38 примерах); 3) глаголы движения (3 глагола представлены 8 примерами); 4) глаголы зрительного и слухового восприятия (4 глагола — в 24 примерах); 5) глаголы речи (3 глагола — в 6 примерах); 6) единичные, разнородные в семантическом отношении глаголы.

Глагол *bývati* представлен сотнями примеров, однако его нельзя считать собственно многократным образованием указанного периода, так как он появился значительно раньше.

К XV веку чешский язык располагает двумя различными по своему морфологическому характеру и происхождению группами основ многократных глаголов:

1. Первый структурно-морфологический тип многократных глаголов представляет собой образования с суффиксом *-a-*: *vídati*, *mývati*, *stávati*. Этот тип образования, несомненно, праславянский, так как он представлен во всех славянских языках. Характерной особенностью многократных образований указанного типа является то, что они только бесприставочные, соотносительные с глаголами несовершенного вида. Но так как основы с суффиксом *-a-* имели широкое и комплексное значение неопределенности, которое могло заключать в себе значение неопределенной длительности и значение кратности, то суффикс *-a-* не был семантически

выразительным признаком кратности. Поэтому в истории чешского языка и других славянских языков появились новые, семантически более выразительные суффиксы. В чешском языке таким был *-va-*, который, благодаря своей способности присоединяться почти к любой основе, стал с течением времени очень продуктивным (*bráti-brávati*, *boleti-bolévati* и пр.). Он начал присоединяться также и к тем многократным глаголам, которые ранее образовывались при помощи суффикса *-a-*. Ср.: *sedati-sedávati*, *vídati-vídávati*, *slýchati-slýchávati*...

Исследователи видовых отношений древнечешского глагола (в частности акад. Травничек²²) считают, что маркированные многократные глаголы с суффиксом *-va-* в истории чешского языка появились прежде всего как приставочные имперфективы к соответствующим приставочным перфективам, т. е. что к *obdržieti* появилось *obdržievati*, к *přestati* — *přestávati* и пр. Аналогичное явление, т. е. употребление глаголов с суффиксом *-ыва/-ива* только в приставочных образованиях, наблюдается и в русском языке древнейшего периода. Не отрицая самого факта возникновения приставочных глаголов НСВ, образованных при помощи суффикса *-va-* как коррелятивной пары к глаголам СВ, мы не соглашаемся с тем, что имперфективы типа *obdržievati* были многократными глаголами в собственном смысле слова, так как считаем, что многократные глаголы вне их соотношения с соответствующими глаголами несовершенного вида подлинную многократность выражать не могли. Признаковая многократность появилась тогда, когда суффикс *-va-* стал присоединяться к имперфективным основам. Приставочные глаголы с суффиксом *-va-* частью уже в древности имели, частью получали впоследствии значение просто глаголов несовершенного вида, так как эти глаголы легко вовлекались в сферу основного видового противопоставления СВ : НСВ²³. Считаем, что в XIV—XV вв., когда суффикс *-va-* стал присоединяться и к основам глаголов НСВ, приставочные глаголы с суффиксом *-va-* выражали повторяющееся действие только имплицитно.

Для уяснения формально-морфологических особенностей и значения форм маркированных многократных глаголов необходимо принимать во внимание отмеченное проф. И. Зубатым следующее обстоятельство: многократные глаголы могли образовываться не только от основы инфинитива, но и от основы имперфекта²⁴. От последнего многократные глаголы заимствовали его характерный признак — долготу гласного основы, которая фонетически не могла возникнуть в основе инфинитива (Ср.: *mluvievati*, *pravievati*, *sudievati*...)

²² Fr. Trávníček. Studie o českém vidu slovesném, str 52.

²³ Ср. П. С. Кузнецов Историческая грамматика русского языка. М., Изд-во МГУ 1958, стр. 262.

²⁴ На возможную связь многократных глаголов с формами имперфекта в русском языке указывал акад. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 561, М., 1941 г.

Уже в самый начальный период своего возникновения многократные глаголы встречались в формах почти всех времен и наклонений, а также в формах страдательного залога. Наибольшее количество примеров представлено в формах перфекта и в формах настоящего времени. В аористе и плюсквамперфекте многократные глаголы вообще не образовывались и не употреблялись.

Развитие новых видовых различий в XIV—XV вв., т. е. все дальше идущая видовая дифференциация, оказывает существенное влияние на временную систему чешского глагола, которая разрушается и перестраивается. При этом значения, выражавшиеся ранее различными временами, не исчезли бесследно. Они начали передаваться при помощи видовых различий и таких видовых оттенков, которые занимали подчиненное положение по отношению к основному видовому противопоставлению глаголов СВ : НСВ. Не случайно поэтому, что многократные глаголы возникают в период разрушения старой системы времен и в период складывающейся системы видов. Возникновение многократных глаголов в славянских языках обнаруживает стремление языка вознаградить потерю в глагольной системе, явившуюся следствием исчезновения простых прошедших времен. Формы простых прошедших времен в чешском языке начинают утрачиваться уже в XIII—XIV вв., на протяжении XV в. они почти полностью исчезают, сохраняясь лишь в текстах религиозного содержания. Ограничение употребления форм аориста и имперфекта, потеря ими временной специфики, их функциональное смешение приводило к вытеснению их формами перфекта, который в этот период значительно расширяет свои функции. В зависимости от видового значения глагола перфект мог передавать все те значения, которые ранее были свойственны аористу и имперфекту. Значение аориста глаголов СВ и НСВ полностью растворилось в значении форм перфекта, значение же форм имперфекта, с одной стороны, было унаследовано формами перфекта, с другой — способствовало образованию особой категории многократных глаголов, находящихся в подчиненном отношении к основному видовому противопоставлению глаголов СВ : НСВ. Кроме структурно-морфологической общности, многократные глаголы обнаруживают связь с имперфектом по линии общности выражаемых значений и синтаксических функций. Так многие исследователи (Б. Гавранек, П. С. Кузнецов, Ю. С. Маслов, В. В. Бородич) отмечали, что формам имперфекта было свойственно значение неопределенности, т. е. значение неопределенной длительности, кратности, процессуальности, отвлеченности и собирательности. Формы имперфекта могли обозначать также действия обычные, узуальные, употребляющиеся при описании нравов, обычаев, институтов, существовавших на протяжении длительного времени. Указанное значение форм имперфекта начали выражать маркированные многократные глаголы. Одним из доказательств преемственности между имперфектом и многократными глаголами является и то, что последние в период своего возникновения имели

большое количество образований от глаголов состояния и от других неопределенных глаголов, служивших производной основой при образовании форм имперфекта.

Так как формы имперфекта в период возникновения маркированных многократных глаголов почти не употреблялись, естественно, что имперфект многократных глаголов в период до конца XV в. мы находим всего лишь в нескольких примерах. Естественно, также, что основная масса примеров на употребление многократных глаголов представлена в формах перфекта, поскольку именно перфект растворил в себе функции имперфекта.

Значение форм аориста, который образовывался главным образом от глаголов определенных и совершенных было несовместимо с теми значениями, которые выражали имперфект и перфект многократных глаголов. Этим объясняется отсутствие форм аориста от многократных глаголов в чешском и в русском языках.

Хотя начало развития многократных глаголов связано с разрушением простых прошедших времен, и прежде всего имперфекта, категорию маркированных многократных глаголов нельзя свести к имперфекту. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в чешском языке многократные глаголы перешагнули рамки прошедшего времени. Уже в XV в. они довольно широко употреблялись в формах настоящего времени, встречались в формах других времен и наклонений. При этом следует отметить, что значение форм настоящего времени многократных глаголов также обнаруживает близость к тем значениям, которые в плане прошедшего выражали формы имперфекта. Прежде всего, это значение не ограниченной никаким приделом раздельно-кратной неопределенной повторяемости процесса, значение неактуального настоящего, которое в различных речевых условиях употребления многократных глаголов выступает то как обычное, привычное, узואальное действие, то как действие часто или регулярно повторяющееся, то как действие, совершающееся эпизодически, нерегулярно.

То обстоятельство, что в XV веке, т. е. в период своего возникновения, многократные глаголы встречаются преимущественно в отрицательных предложениях (особенно в формах повелительного и сослагательного наклонения), также обнаруживает связь различных форм многократных глаголов с формами исчезнувшего имперфекта. В сочетании с отрицанием многократные глаголы выражали не повторяемость, а, по выражению Н. П. Некрасова, «действие усиленной продолжительности» А. А. Потебня справедливо указывал, что «отрицание, относящееся не к данному моменту совершения, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием или бытием, подходит под понятие постоянства и всеобщности»²⁵.

²⁵ А. А. Потебня Из записок по русской грамматике, т. IV, М. — Л., Изд-во АН СССР 1941, стр. 85.

Следовательно, для всех употреблявшихся форм многократных глаголов в начальный период их возникновения существенным является значение не только повторяемости, но и значение процесса как состояния, длительного, неопределенного, бесспорно, унаследованное от форм имперфекта.

Для уяснения функциональной специфики многократных глаголов и сущности выражаемых ими отношений важно изучение речевых условий, в которых они могли появляться и употребляться. Изучение дистрибуции многократных глаголов показывает, что уже в период своего возникновения они могли употребляться с самыми разнообразными показателями кратности и временной локализации процесса — положение, которое представлено и в современном чешском языке. Так же как и в современном языке, употребление многократных глаголов в XV в. характеризуется неопределенностью не только в отношении количества повторяемостей, но и в отношении временной локализации процесса. Статистически господствующим в этот период является значение частой, регулярной повторяемости, однако указанное значение (как и все прочие) является вторичным, контекстуально обусловленным, вытекающим из основного значения маркированных многократных глаголов.

На протяжении XVI—XVII вв. наблюдается значительный рост категории маркированных многократных глаголов не только за счет увеличения числа примеров, но и за счет пополнения семантических групп этих глаголов, за счет усиления новых типов словообразовательных моделей. Значительно расширяется также инвентарь грамматических форм. Характер многократных глаголов и их принадлежность к определенным семантическим разрядам во многом определяется жанровыми и стилистическими особенностями произведений. Например, в «Чешском архиве» 1-й пол. XVI в., содержащем собрание документов делового письма, появляется множество новых глаголов, связанных с судопроизводством и с бытовыми сторонами жизни. Напротив, в Кралицкой библии, в «Постилле» Я. Рокицаны и в других произведениях с религиозной тематикой появляется много новых глаголов, обозначающих не только разного рода действия, но и душевное и физическое состояние человека страдающего, наказуемого, молящегося и пр. В целом в XVI—XVII вв. многократные глаголы многочисленны и разнообразны по своей семантике и формам. Возможности образования многократных глаголов в этот период находятся в зависимости от степени их употребительности, от структурных особенностей и семантической принадлежности производящей имперфективной основы, от стилистических и жанровых особенностей произведений. Доказательством последнего положения может служить то, что, например, в хрониках и исторических произведениях того времени многократные глаголы либо совсем не встречаются, либо встречаются в очень незначительном количестве (напр. в исторических воспоминаниях Микулаша Дачицкого и др.).

При рассмотрении структурно-морфологических особенностей

многократных глаголов следует отметить нарастание параллельных образований с суффиксом *-va-* к старым итеративным образованиям с суффиксом *-a-*: *vidati-vidávati, čítati-čitávati* и т. д. При этом важно подчеркнуть, что новые типы многократных образований (с суффиксом *-va-*) были соотносительны не с простыми имперфективами типа *viděti, slyšeti, jísti, čísti*, а с образованными от них итеративами, выражающими неопределенную длительность или повторяемость процесса. Особенно явственно указанное явление обнаруживается у многократных глаголов движения, которые могли образовываться только от индетерминативных глаголов: *choditi-chodívati, positi-posívati...*

Особого внимания заслуживает тот факт, что в одном из вариантов «Постиллы» Я. Рокицаны (вар. S 1654 г.) впервые появляется двойной суффикс *-váva-* у глагола *mluvieti : mluvievávati*, хотя указание на существование глаголов с двойным суффиксом находим еще в грамматике Яна Благослава (1571 г.).

Наконец, в XVI и XVII вв. возрастает число префиксальных многократных образований, соотносительных не с глаголами совершенного вида, как это можно было наблюдать в чешском языке до конца XV в., а с глаголами несовершенного вида (*přicházeti-přicházívati, scháveti se scházívati se*). Небезынтересно при этом отметить, что почти все приставочные многократные образования представлены от основ глаголов движения. Указанная тенденция получила свое развитие также в истории русского языка и в современных севернорусских говорах.

Обилие многократных образований позволяет сделать более надежные выводы о значении форм маркированных многократных глаголов в XVI—XVII вв. В указанный период уже полностью отсутствуют формы имперфекта, в том числе и у многократных глаголов. Многократные глаголы употребляются теперь только в единой форме прошедшего времени, восходящей к перфекту. Для уяснения сущности выражаемых многократными глаголами значений мы произвели их сопоставление с соответствующими глаголами несовершенного вида. Было произведено сравнение различных вариантов «Постиллы» Я. Рокицаны, где в идентичных контекстах употребляются то глаголы НСВ (в более старых вариантах А, В), то многократные глаголы (в более поздних вариантах С, N, P, T, U). Сравнение показало, что маркированные многократные глаголы появлялись на месте соответствующих глаголов НСВ и в тех же самых условиях, морфологически выражая один дополнительный оттенок значения — признаковую кратность или длительность процесса, которая у глаголов НСВ вида не была выражена, хотя и могла предполагаться. Следовательно, многократные глаголы отличаются от соответствующих имперфективных сужением значения, более четкой и выразительной семантикой, значением обязательности выражаемого признака.

При определении значения форм прошедшего времени много-

кратных глаголов существенным является решение вопроса, выражали ли эти формы значение давнопрошедшего времени, которое им приписывается в современном чешском языке. В рассматриваемый период многократные глаголы довольно часто употреблялись в контекстах, выражающих значение давнопрошедшего времени. При этом в большинстве случаев наличествуют различные лексические показатели отнесенности процесса к давнему или отдаленному прошлому. На отнесенность процесса к давнему прошлому нередко указывает и общая ситуация высказывания. Однако общее значение давнопрошедшего времени не меняется, когда на месте маркированных многократных глаголов употребляются соответствующие глаголы несовершенного вида, как это видно из сравнения разных вариантов «Постиллы» Я. Рокицаны. Полагаем, что ни в современном чешском языке, ни в языке XVI—XVII вв. значение давнопрошедшего времени не было собственным значением форм прошедшего времени многократных глаголов. Семантика многократных глаголов, а также их употребление в определенных лексических и синтаксических контекстах, указывающих на отнесенность к давнему прошлому, способствовали закреплению за многократными глаголами временного оттенка значения давнопрошедшего времени, однако оно не является специальным грамматическим значением форм прошедшего времени.

Изучение синтаксического контекста форм перфекта многократных глаголов позволяет с уверенностью говорить об их функциональной близости к формам имперфекта: они употребляются для обозначения второстепенных действий, сопутствующих обстоятельств, для выражения фактов, действий и состояний, сопровождающих другие факты, действия и состояния. Таким образом, функции перфекта многократных глаголов в это время сводятся к обозначению второстепенных действий, сопровождающих действие основной линии повествования. Дополнительный характер выражаемых многократными глаголами действий обнаруживается в разного рода придаточных предложениях (определительных, дополнительных, обстоятельственных, временных, причинных и др.). При этом выражаемые многократными глаголами второстепенные значения могут находиться в различных комбинациях с другими, контекстуально обусловленными значениями, например со значением давности или со значением частого регулярного или, напротив, эпизодического, нерегулярного действия.

При определении функциональной значимости многократных глаголов важно подчеркнуть не самый факт их употребления в придаточных предложениях (они могут употребляться в главных предложениях), а то, что они очень часто используются для описания второстепенных, побочных фактов. При этом они могут обозначать действия, которые являются не только предшествующими по отношению к действию основной линии повествования, но и одновременными с ним, а также действия, являющиеся звеном в цепи последовательных действий.

Формы настоящего времени многократных глаголов в XVI—XVII вв. многочисленны. Общим значением этих форм по-прежнему является значение неактуального настоящего. Указанное значение обуславливает употребление форм многократных глаголов при обозначении действий атемпоральных, обобщенных, не поддающихся точному исчислению, а также при обозначении действий типичных, т. е. при характеристике типичных вкусов, свойств, привычек.

Формы настоящего времени многократных глаголов так же, как и формы прошедшего времени, используются преимущественно в разного рода придаточных предложениях, для передачи действий зависимых, второстепенных, упоминаемых лишь в связи с действием основного сообщения.

На употребление многократных форм глаголов в форме будущего времени, повелительного и условного наклонения в XVI—XVII вв. имеется по-прежнему небольшое количество примеров, хотя по сравнению с периодом до конца XV в. число примеров возросло. Многократные глаголы употребляются теперь не только в негативных, но и в позитивных конструкциях.

Примечательно, что на протяжении всего периода исторического развития отсутствуют формы плюсквамперфекта многократных глаголов, хотя в значении плюсквамперфекта, т. е. в значении относительного времени, которое выражает предшествование другому прошедшему времени или служит средством указания на второстепенность действий, многократные глаголы в языке XVI—XVII вв. и позже встречаются довольно часто. Это обстоятельство может указывать, с одной стороны, на функциональную близость форм перфекта многократных глаголов и форм плюсквамперфекта глаголов НСВ и СВ, с другой стороны — на разграничение сфер их употребления в пределах одних и тех же выраженных ими значений.

Функциональная близость и перекрещивание значений форм перфекта многократных глаголов и форм плюсквамперфекта обнаруживается прежде всего в плане выражения ими периферийных, второстепенных действий, которые упоминались в связи с основными действиями высказывания, а также в плане выражения действий предпрошедших, значительно отдаленных. Разграничение же сфер их употребления шло, по-видимому, по линии видовых различий. Плюсквамперфект образовывался в большинстве случаев от глаголов СВ. Когда шла речь о выражении целостного, комплексного действия, законченного до времени протекания второго прошедшего действия, употреблялся плюсквамперфект или перфект глаголов СВ, если же была необходимость выразить повторяющееся действие незаконченное, в аналогичных функциях выступали перфект (реже плюсквамперфект) глаголов НСВ или же перфект многократных глаголов. Во всех случаях перфект многократных глаголов и плюсквамперфект глаголов НСВ мог быть заменен перфектом глагола НСВ. Объясняется это тем, что в корреля-

ции перфекта и плюсквамперфекта маркированным членом был плюсквамперфект, а в корреляции НСВ : МН сильным, маркированным членом был многократным глагол. У маркированных членов обеих корреляций отсутствовала обязательность употребления. Указанное обстоятельство определило их дальнейшую судьбу: обе категории начали впоследствии сокращать объем и сферу своего употребления, становясь стилистически признаковыми.

Историю маркированных многократных глаголов в период с середины XVII в. до начала XIX в. проследить довольно трудно вследствие отсутствия необходимой литературы. Литературный чешский язык этого периода представлен главным образом устным народным творчеством, литературой религиозного содержания, частной корреспонденцией. Грамматики и словари того времени изобилуют диалектными элементами (грамматика Росы 1762). Однако некоторые сведения, касающиеся словообразования многократных глаголов, из них извлечь можно. Наибольший интерес представляет рукописный 4-х томный чешско-немецкий словарь В. Росы, содержащий богатый материал и очень ценные авторские пометы об образовании и употреблении слов. В словаре В. Росы нами было обнаружено более 700 многократных глаголов, в том числе и таких, которых нет ни в современном языке, ни в языке предшествующей эпохи, но мы не располагаем почти никакими сведениями о функциональной значимости этих глаголов вплоть до начала XIX века, т. е. вплоть до периода чешского Возрождения. Однако и этот период не дает ничего принципиально нового, так как литература периода Возрождения уходит корнями в литературу XVI в. Так, привлекаемый нами для работы словарь И. Юнгманна включает в себя все словарное богатство, содержащееся в литературе XVI—XVII вв. (в нем содержится много примеров из словаря В. Росы), поэтому он не является вполне надежным источником для познания языковых закономерностей эпохи чешского Возрождения.

Материалы, извлеченные нами из лексикографического архива Института чешского языка и собранные самостоятельно, свидетельствуют о том, что в конце XVIII в. и в 1-ой половине XIX в. многократные глаголы были очень употребительны и продуктивны. Они встречались в формах всех времен и наклонений, хотя употреблялись преимущественно в формах прошедшего времени. Довольно много примеров употребления многократных глаголов находим и в формах настоящего времени. По-прежнему часто многократные глаголы употребляются при отрицании. В указанный период еще живыми были глаголы таких структурно-семантических групп, которые впоследствии совершенно вышли из употребления.

По сравнению с предшествующим периодом (т. е. с XVI—XVII вв.) значение многократных глаголов не изменилось: они обозначают неопределенную повторяемость (или длительность) процесса, которая в различных лексико-синтаксических условиях

употребления реализуется по-разному. Что же касается функциональной значимости многократности, то следует отметить, что преимущественное употребление многократных глаголов для обозначения второстепенных, периферийных действий или же действий, на фоне которых разворачиваются действия основной линии повествования, характерное для XVI—XVII вв., несколько изменилось: они стали употребляться (непоследовательно!), для выражения повторяющихся действий как основных, так и второстепенных, не только в придаточных предложениях, но и в главных, не только в сложноподчиненных и сложносочиненных, но и в простых.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что с течением времени количественные оттенки кратности стали определяющими в семантике маркированных многократных глаголов, а связь со значением и функциями имперфекта утратилась.

Кульминационным периодом в истории развития многократных глаголов был XVI—XVII вв. Литература конца XVIII и начала XIX в. повторяет, в сущности, то, что мы находим в предшествующие периоды. Важно, однако, подчеркнуть, что на протяжении всей истории развития употребление маркированных многократных глаголов не было обязательным, так как соответствующие имперфективы объемом своего значения и функций покрывали значение и функции маркированного члена.

В современном чешском языке употребление многократных глаголов в сравнении с предшествующими периодами заметно сократилось. При этом значительно возрос удельный вес лексико-синтаксических способов выражения значения многократности. Непарадигматичность и факультативность форм маркированных многократных глаголов определили то, что они начали сокращать сферу своего употребления, становясь стилистически признаковыми.

Все оттенки кратности в чешском языке могут быть выражены основным видовым противопоставлением глаголов СВ и НСВ при участии различных лексико-синтаксических показателей кратности. Такой способ передачи многократного действия является более выразительным, так как позволяет одновременно охарактеризовать действие со стороны его комплексности, законченности, незавершенности и со стороны определенного и неопределенного числа повторяемостей. Количественные оттенки кратности все более подчиняются основному видовому противопоставлению глаголов СВ : НСВ. Поэтому для современного чешского языка можно говорить не только о конкуренции различных средств выражения повторяющегося действия, но и о том, что победителем из этой конкуренции выходят лексико-синтаксические способы выражения значения многократности.

* * *

*

Основные положения и материал диссертации получили отражение в следующих работах:

1. О категории многократности в чешском языке. Сб. «Исследования по чешскому языку». М., Изд-во АН СССР, 1963 (1,5 п. л.)
2. Основное значение многократных глаголов в чешском языке. «Вопросы языкознания», 1965, № 2, (1 п. л.)
3. Способы выражения значения многократности в чешском языке (в сравнении с другими славянскими языками). «Вестн. Моск. ун-та», серия X, Филология, 1966, № 1 (1,5 п. л.)
4. Об употреблении глаголов совершенного вида для обозначения многократного действия в современном чешском языке. Сб. «Славянская филология», № 4, Изд-во МГУ, 1962 (1 п. л.)
5. Из истории возникновения и развития маркированных многократных глаголов в чешском языке. «Вестн. Моск. ун-та», серия VII, Филология, 1965, № 2 (1 п. л.)
6. Fr. Korešný. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962 (рец.) «Вопросы языкознания», 1963, № 4 (0,5 п. л.)
7. Из истории развития литературного чешского языка «Вопросы языкознания», 1954, № 4 (1,5 п. л.)
8. Возникновение и развитие маркированных многократных глаголов в чешском языке. Сб. «Славянская филология», № 6 (в печати, 5 п. л.).

Сдано в набор 13/VI—66 г.
Л-45482

Зак. 679

Подписано к печати 1/VII—66 г.
Печ. л. 2,25

Тираж 300 экз.

Типография Изд-ва МГУ (филиал), Москва, проспект Маркса, 20.